

Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты

И.А. Минникес

Доцент, отдел теории права и сравнительного правоведения, Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук. Адрес: 664003 Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: iaminnikes@yandex.ru

И.В. Минникес

Профессор, главный научный сотрудник, Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук. Адрес: 664003 Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: ivminnikes@mail.ru

Аннотация

Целью работы является исследование правовой природы аутентического толкования, его содержания и значения как самостоятельного вида толкования права, а также установление круга субъектов такого толкования. Методологическую основу исследования образуют общенаучные методы: диалектический, логический, системно-структурный, сравнительный; а также научно-правовые методы: историко-юридический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Отмечается, что термину «аутентическое толкование» на различных этапах развития российской юридической науки придавалось разное значение. В XIX-начале XX века аутентическое толкование отождествляли с правотворчеством. В советской правовой науке аутентическим считалось толкование, исходящее как от самого субъекта правотворчества, так и от иных уполномоченных органов. В современных исследованиях акцент делается на орган, осуществляющий толкование нормы. Предлагается заменить термин «аутентическое» термином «авторское», поскольку это наименование точнее характеризует данный вид толкования. В статье показаны основные подходы к пониманию аутентического (авторского) толкования в российской и зарубежной юриспруденции. Установлено, что при определении круга субъектов авторского толкования следует учитывать наличие или отсутствие правового оформления полномочия на толкование нормы. Если предположить, что право на создание и оформление норм автоматически порождает и право на их толкование, то субъектом аутентического (авторского) толкования может быть любой государственный или негосударственный орган, являющийся субъектом правотворчества. Если же исходить из того, что полномочие автора по толкованию своих актов и его реализация должны быть урегулированы нормами права, то круг субъектов авторского (аутентического) толкования резко сузится. Кроме того, в работе исследуется связь между кругом субъектов аутентического (авторского) толкования и формой (источником) права, в которую автор облакает норму. Обозначен ряд дискуссионных вопросов: о субъекте авторского толкования при создании акта в порядке делегирования, и на-

родном правотворчестве, о судебном авторском толковании, об авторском толковании религиозных текстов и нормативных договоров. Показана взаимосвязь субъекта и объекта аутентического (авторского) толкования.

Ключевые слова

толкование права, авторское толкование, аутентическое толкование, легальное толкование, делегированное толкование, субъекты толкования, Конституционный Суд Российской Федерации.

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Минникес И.А., Минникес И.В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. №3. С. 36–55.

УДК: 340.1

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.36.55

Введение

Проблема аутентического толкования сложна и многогранна. С одной стороны, такой вид толкования известен давно, упоминается практически во всех учебниках теории государства и права, и его существование в настоящее время не вызывает сомнения. Методологическую основу для исследований в области толкования в целом и аутентического толкования, в частности, заложили российские юристы конца XIX — начала XX вв. Много внимания данному виду толкования уделялось в советский период, причем как в общей теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках. В современной российской юриспруденции эта тема по-прежнему привлекает внимание ученых. Зарубежные исследователи также в той или иной степени затрагивали вопросы аутентического толкования. Интересные идеи об аутентическом толковании содержатся в трудах европейских юристов, континентальной школы права. Серьезные исследования в области толкования проводились и аналитиками англо-саксонской юридической школы.

Но, с другой стороны, несмотря на пристальное внимание российских и зарубежных юристов к проблемам толкования, крайне мало работ посвящено непосредственно аутентическому толкованию. Многие аспекты данного вида толкования остаются не до конца исследованными. Кроме того, в процессе исследования встает множество проблемных вопросов, касающихся данного вида толкования, которые нуждаются в однозначном решении и в контексте общей теории права, и в отношении юридической практики. Они

затрагивают и терминологию (в частности, как правильно называть такое толкование), и то, какая именно интерпретационная деятельность относится к аутентическому толкованию, и вопрос о том, кто может быть субъектом такого толкования, и многое другое. Выдвигалось даже предложение отказаться от аутентического толкования и оформить такой запрет законодательно.

В связи с обозначенными проблемами исследование вопроса об аутентическом толковании является обоснованным и актуальным.

1. Аутентическое толкование. Проблема терминологии

Вопрос о «правильности» или «неправильности» терминов в юриспруденции во многом решается в контексте личных предпочтений, сложившихся установок и мнения законодателя. Наиболее распространенным в научных исследованиях является термин «аутентическое» толкование. В определенном смысле термин верен, так как слово «аутентическое» происходит от греческого «*authentikos*» и означает «подлинный, исходящий из первоисточника». Тем самым данный термин акцентирует внимание на заложенном в наименовании смысловом наполнении — это толкование, исходящее от органа, создавшего норму (от первоисточника).

Наряду с этим термином используется близкий по звучанию термин «аутентичное толкование», что создает неудобства в правильном понимании сущности данного вида толкования. Поэтому важно разобраться в соотношении данных терминов.

В российской юриспруденции конца XIX — начала XX в. встречаются оба термина. Так, в материалах для пересмотра российского уголовного законодательства, подготовленных в 1883 г. под руководством профессора Н.С. Таганцева и представляющих собой сборник дополнительных узаконений к французскому и германскому уголовным уложениям, содержится ссылка на закон, касающийся аутентического толкования [Таганцев Н.С., 1883: 199–200]. В переведенных на русский язык немецких Пандектах параграф 37 посвящен именно аутентическому толкованию [Дернбург Г., 1906: 9]. В обзоре действующего законодательства кассационной практики Правительствующего Сената 1912 г. также используется термин «аутентическое толкование» [Гуляев А.М., 1912: 26].

В то же время в «Очерках действующего русского права» 1913 г. говорится об аутентичном толковании [Казанский П.Е., 1913: 484–522]. Таким образом, термины «аутентическое толкование» и «аутентичное толкование» в то время часто рассматривались как совпадающие по значению.

Такой подход наблюдается и в современных исследованиях. Так, белорусский ученый Г.А. Василевич определяет аутентическое толкование (оно

же аутентическое) как толкование, основанное на первоисточнике [Василевич Г.А., 2017: 21]. Суть данного вида толкования автор отразил безусловно верно, а отождествление терминов отражает его авторскую позицию. Однако некоторые современные авторы отождествляют понятия «аутентическое» и «аутентичное», не вникая в их содержание [Петрушев В.А., 2006: 14–18]. Думается, что такой подход является поверхностным и не отражает реалий интерпретационной практики.

Большинство современных исследователей применительно к данному виду толкования используют термин «аутентическое толкование». Это более обоснованный подход. Использование термина «аутентическое толкование» указывает на связь с первоисточником, т.е. с субъектом — автором предписания. Термин же «аутентичное толкование» больше относится не к субъекту, а объекту толкования, к толкуемому тексту.

Большое теоретическое и практическое значение это имеет в международном праве при толковании международных договоров [Перетерский И.С., 1959: 132–140]. Так, когда устанавливается аутентичность текстов договоров, оформленных на языках участников договора, при толковании прежде всего исходят из объекта. Причем это касается не только толкования договоров, но и разработки равно аутентичных текстов договоров на разных языках, их юридической аутентичности и семантической адекватности [Евинтов В.И., 1979: 82–102]. В применении международно-правовых норм такая проблема встает, например, при толковании аутентичного текста соглашения о Международном валютном фонде в процессе применения данного соглашения [Шамсиев Х.Р., 1998: 22–26].

Обращали внимание на этот аспект и зарубежные исследователи. Так, Л. Оппенгейм в «Курсе международного права» в разделе о толковании договора рассматривает вопрос именно об аутентичном толковании и компромиссной оговорке [Оппенгейм Л., 1949: 469–470].

Думается, что в первую очередь от объекта идут и тогда, когда речь идет о восполнении пробелов при применении права по аналогии или толковании оценочных понятий, ориентируясь в первую очередь на текст, точнее, на его содержание. При этом субъектом толкования может быть и не орган, создавший норму.

Термин «аутентичное толкование» встречается в иностранной юридической литературе, переведенной на русский язык — например, в монографии болгарского исследователя Б. Спасова «Закон и его толкование», изданной на русском языке в 1986 г. [Спасов Б.П., 1986], а в Болгарии на языке оригинала — в 1983 г. [Спасов Б.П., 1983]. Однако здесь встает неизбежный вопрос о точности перевода: отражает ли этот термин позицию самого автора, либо на выбор соответствующего термина повлияло мнение переводчика, тем более что в данном случае перевод был выполнен с сокращениями.

Исходя из сказанного, следует заключить, что из существующих терминов более предпочтительным и точным в смысловом контексте является термин «аутентическое толкование». Однако это наименование фактически идентично более понятному названию «авторское». Следовательно, можно предложить использовать более удобный термин «авторское толкование», но в целях постепенной и безболезненной имплементации данного термина в научный оборот, практику и учебный процесс, предлагается снабдить его дополнительным уточнением «аутентическое». Именно таким наименованием обозначен данный вид толкования в настоящем исследовании.

2. Проблема содержания понятия аутентического (авторского) толкования

Наиболее распространенный подход российских юристов конца XIX — начала XX вв. к проблеме аутентического (авторского) толкования отражен в известных лекциях Н.М. Коркунова по общей теории права. Он писал, что в старое время по субъекту, от которого исходит толкование, различали доктринальное и легальное толкование. Доктринальное — это то, которое совершается лицами, применяющими закон, и сила которого основывается на его разумности. Легальное — это толкование, устанавливаемое обычаем (узуальное) или даже самим законодателем (аутентическое) и основывающееся не на разумности, а на авторитете обычая или законодательной власти. При этом со ссылкой на Ф. фон Савиньи, автор утверждал, что толкование мыслимо только как доктринальное. Так называемое аутентическое толкование — это не что иное, как закон. По мнению Н.М. Коркунова, выражение «законодательное толкование закона» нелепо и сводится к тому, что, прикрываясь толкованием, закону придают обратную силу [Коркунов Н.М., 1886: 347].

Эту же точку зрения выразил в учебнике «Энциклопедия права» Е.Н. Трубецкой. Также опираясь на Савиньи, он указал, что толкование может быть только доктринальным, а деление легального толкования на узуальное и аутентическое неправильно, так как аутентическое толкование есть просто новый закон. Е.Н. Трубецкой утверждал, что толкование, исходящее от законодателя, имеет обязательную силу, совершенно одинаковую с толкуемой нормой [Трубецкой Е.Н., 1917: 143].

Г.Ф. Шершеневич полагал, что толкование — это процесс совершенно свободный, сила его заключается в логической убедительности и не имеет никакой обязательности независимо от того, от кого оно исходит. Толкование более образованных лиц может обладать большим нравственным авторитетом, но не обладает никаким юридическим авторитетом. Такое толкование и является настоящим, хотя, по мнению Г.Ф. Шершеневича, неправильно на-

зывать его доктринальным. Что же касается аутентического толкования, то оно лишь под видом толкования стремится встать наряду с доктринальным. Сила аутентического толкования не в убедительности, а в обязательности. Так как оно исходит от законодателя, это не толкование, а закон. Вместе с тем автор выделял признаки аутентического толкования: оно должно быть издано в форме закона, почему аутентическим толкованием не могут быть признаны разъяснения Сената; оно должно быть издано с целью истолкования, почему аутентическим толкованием не могут признаны позднейшие законы, из которых извлекается разъяснение законам более ранним [Шершеневич Г.Ф., 1910: 725–726].

Наиболее подробно в то время проблемы толкования были исследованы Е.В. Васьковским. Он считал, что учение о толковании должно распадаться на три главные части: о словесном толковании, о реальном толковании и о логическом развитии норм. Среди средств реального толкования автором на первое место ставятся «авторитетные разъяснения». Авторитетность может быть внешней (или формальной), которая присуща разъяснениям, облеченным в форму какого-либо источника права и потому они юридически обязательны. Кроме того, авторитетность может быть внутренней (или материальной), когда разъяснения очевидны и бесспорно правильны. Среди формально-авторитетных разъяснений (легальное толкование) первое место, по мнению автора, занимает аутентическое толкование, которое содержится в законодательных нормах. Причем в отличие от других авторов, Е.В. Васьковский, который помимо педагогического опыта имел большой опыт работы в адвокатуре и суде, не отвергал аутентического толкования. Наоборот, исследовав его, также выделил основные признаки данного вида толкования. К таким признакам он относил: результат аутентического толкования представляет собой законодательную норму, которая должна обладать всеми признаками нормы права, должна быть надлежащим образом санкционирована и обнародована; значение аутентического толкования имеет не всякая норма, разъясняющая другую норму, а только та, которая издана именно с целью разъяснить другую; аутентическое толкование принимается к руководству независимо от своей правильности или неправильности [Васьковский Е.В., 1901: 121–123].

Таким образом, российские юристы конца XIX — начала XX вв. либо отвергали существование аутентического толкования, либо считали его формой закона.

В советской юриспруденции сложился несколько иной подход к проблеме аутентического (авторского) толкования. Большинство исследователей считали его разновидностью официального толкования. Обязательным элементом такого толкования являлось то, что разъяснение исходит от органа, установившего толкуемую норму [Недбайло П.Е., 1960: 346]; [Лукашева Е.А.,

1973: 485]. По мнению А.С. Пиголкина, «право аутентического толкования, естественно, специально нигде не оговаривается, поскольку оно логически вытекает из права того или иного органа на нормотворчество» [Пиголкин А.С., 1962: 126]. А.Ф. Черданцев также совершенно обоснованно писал, что «право аутентического толкования логически вытекает из права издания нормативных актов (*argumentum majori ad minus*). Если тот или иной орган обладает нормотворческой компетенцией, то он обладает и компетенцией толкования своих нормативных актов» [Черданцев А.Ф., 1979: 145].

В целом такая трактовка оправдана. Подобно советским юристам, Б. Спасов писал, что официальное толкование подразделяется на аутентичное и неаутентичное (в советской литературе больше распространен термин «легальное толкование»). Более того, по его мнению, аутентичное толкование является наиболее авторитетным и компетентным, поскольку орган, создавший норму, может наиболее точно раскрыть ее содержание [Спасов Б.П., 1986: 148].

В современной российской юриспруденции во многом повторяется подход, сформировавшийся в советской юридической науке, но в то же время есть и определенные новации. Так, А.В. Смирнов и А.Г. Манукян пишут, что официальное толкование распадается на легальное и судебное. Легальное (оно же аутентическое) исходит от органа, установившего данную юридическую норму, либо от иного органа, уполномоченного законодателем давать разъяснения по тем или иным правовым вопросам. Аутентическое разъяснение, исходящее от самого законодателя, по существу, есть новый закон. Легальное толкование, по мнению авторов, всегда нормативно, т.е. общеобязательно. Однако границы этой общеобязательности могут быть различны [Смирнов А.В., Манукян А.Г., 2008: 19–20].

С таким подходом согласиться трудно. По сути авторы не создали новой классификации, а, взяв за основу уже известную, ограничились заменой терминов. Аутентическое толкование они называют легальным, не отличая его от делегированного толкования. Кроме того, вызывает возражения тезис о границах общеобязательности. В данном случае авторы смешивают такие понятия как общеобязательность и действие акта (в том числе и интерпретационного) по кругу лиц.

Наиболее радикальная точка зрения по поводу аутентического толкования была сформулирована В.С. Нерсесянцем. Автор поставил вопрос о недопустимости аутентического толкования как противоречащего основным началам права и правового государства. Позиция В.С. Нерсесянца была основана на следующих аргументах: аутентическое толкование не предусмотрено действующим законодательством; необходим прямой запрет на занятие государственными органами подобной деятельностью; издание нормативных правовых актов и осуществление их официального нормативного

толкования — совершенно разные функции, а поэтому в условиях разделения властей нельзя допустить, чтобы один орган одновременно обладал двумя соответствующими полномочиями [Нерсесянц В.С., 2000: 500-502].

При всем уважении к автору его позиция оспорима. Во-первых, право аутентического толкования вытекает из самих правотворческих полномочий органа, принявшего правовую норму.

Во-вторых, прямой запрет аутентического толкования значительно усложнит процедуру правотворчества и сделает ее более затратной. Когда вступает в силу новый нормативный акт, то у правоприменителей неизбежно возникают вопросы по поводу того, как этот акт правильно понимать и применять. Если есть возможность эти вопросы разрешить посредством аутентического толкования, разумнее прибегнуть именно к нему, поскольку альтернативой будет правотворчество, а это и дольше, и влечет за собой возложение дополнительного бремени на государственный бюджет.

Наконец, в-третьих, существование аутентического толкования ни в коей мере не противоречит теории разделения властей, так как и законодательные, и исполнительные, и судебные органы занимаются толкованием в пределах своей компетенции, и это одна из составляющих их деятельности. Кроме того, трудно представить создание самостоятельной ветви власти, которая занималась бы только толкованием. В существующих реалиях любого государства это невозможно.

Из современных российских исследователей наиболее интересную и перспективную позицию по поводу аутентического толкования занимает Я.Н. Колоколов. Он считает, что аутентическое официальное толкование норм права — особая разновидность правотворящей юридической деятельности посредством официальной нормативной и казуальной интерпретации правовых норм, осуществляемой компетентным органом на основе специальных принципов особыми методами по собственной инициативе или по требованию правоприменителей, состоящая в уяснении и разъяснении собственных нормативных правовых предписаний путем издания соответствующих актов толкования, имеющих обязательный характер, с целью установления подлинной воли нормодателя, конкретизации правовых требований, устранения дефектов правотворчества, достижения единообразия правоприменения, развития организационно-творческих возможностей государственных установлений для их эффективной практической реализации. По субъектам, осуществляющим аутентическое толкование юридических норм, автор различает аутентическое толкование, осуществляемое «органами законодательной власти, Президентом, Правительством, министерствами и ведомствами, органами государственной власти субъектов, Конституционным Судом, Верховным Судом». К типичным формам аутентического официального толкования правовых норм он относит нормы-дефиниции;

законы-разъяснения; постановления Государственной Думы о порядке применения акта об амнистии; указы-разъяснения; интерпретационные постановления Правительства; определения-разъяснения Конституционного Суда; акты-разъяснения законодательных органов субъектов федерации; методические разъяснения; органов исполнительной государственной власти; разъяснения общественных организаций [Колоколов Я.Н., 2011: 8–9].

Подход Я.Н. Колоколова не бесспорен. Можно дискутировать с ним и по поводу понятия аутентического толкования (оно излишне широко), и по поводу субъектов аутентического толкования (вызывает сомнение отнесение к аутентическому толкованию разъяснений общественных организаций), но в целом позиция автора заслуживает поддержки.

В зарубежной юриспруденции проблемам толкования уделялось и уделяется большое внимание. Начать следует с некоторых общих вопросов, которые легли в основу многих теоретических и отраслевых исследований, а также практики толкования. Так, известный польский теоретик права Е. Врублевский глубоко исследовал вопрос о праве на толкование закона [Wroblewski J., 2015]. Именно право на толкование определяет то, от какого субъекта исходит толкование, и является основанием для выделения видов толкования по субъектам, в том числе и такого вида, как аутентическое толкование.

Нельзя обойти вниманием и монографию сотрудницы немецкого Института государства и права Академии наук (в то время — ГДР) Р. Свенссон «Конкретизация правовых норм». В данном научном исследовании автор анализирует проблему соотношения понятий конкретизации и интерпретации, причем интерпретация рассматривается как составная часть конкретизации [Svensson R., 1982]. Конкретизация, по мнению Р. Свенссон, может осуществляться в различных формах, в том числе и посредством интерпретации. С этим следует согласиться. Но на практике при аутентическом толковании интерпретация зачастую превращается в правотворческую конкретизацию, когда интерпретатор в процессе толкования, по сути, формулирует новую норму права.

В западноевропейской юридической литературе наблюдается более широкий подход к проблемам толкования. Французский исследователь Ж. Шевалье в работе «Юридическая доктрина и юридическая наука» выделяет четыре этапа воздействия правовой доктрины на процесс создания права. Первым таким этапом он называет процесс толкования норм права. За ним следуют такие этапы как систематизация норм, формулирование новых понятий и участие в разработке правовых норм. Автор отмечает, что посредством толкования становятся ясными понятия, разъясняются не совсем ясные тексты, разрешаются противоречия. И, что очень важно, качественное толкование фиксирует содержание нормы [Chevallier J., 2002: 103–119].

Разумеется, можно дискутировать с автором об очередности этапов, о выделении дополнительных этапов, но с методологической точки зрения безусловно интересен представляет вывод — «качественное толкование фиксирует содержание нормы». Имеется в виду, что такое толкование разрешает неясности содержания нормы. Фиксация содержания может осуществляться различными способами, в том числе и посредством интерпретационного акта. Необходимость в фиксации содержания предопределяет необходимость любого толкования, в том числе и аутентического.

Из современных европейских исследований интересны научные разработки К. Бернер из Берлинского университета имени Гумбольдта. Являясь специалистом в области международного публичного права, автор делает ряд интересных выводов общетеоретического плана. Так, она обоснованно полагает, что следует различать подзаконное правотворчество и аутентическое толкование. Вместе с тем автор допускает правотворчество посредством толкования. По ее мнению, любая попытка провести разграничение между обязательными аутентическими интерпретациями и правотворчеством может оказаться иллюзорна. К. Бернер считает, что аутентическое толкованием является законотворчеством во всем, кроме названия [Berner K., 2016: 845–878].

Приведенные выше позиции характерны в большей степени для специалистов континентальной правовой системы.

В англосаксонской правовой школе наблюдаются иные подходы. Там основной акцент делается и отдается предпочтение судейскому толкованию, поэтому аутентическое толкование вызывает гораздо меньший интерес. Наиболее ярко эту позицию выразил Р. Дворкин в работе «Империя права». По его мнению, право — это развивающаяся система актов интерпретации принципов справедливости, целесообразности и надлежащей процедуры, которая формируется судьями в процессе толкования прошлых политических и юридических решений. Понятие права, по мнению Р. Дворкина, это «толковательное понятие» [Dworkin R., 1986: 95]. Тем самым фактически отождествляется правотворческая и интерпретационная деятельность, что вполне оправдано с позиций англосаксонской правовой системы, где суды признаются субъектами правотворчества.

Названные подходы к понятию аутентического (авторского) толкования дают богатую пищу для размышления, что говорит о сложности и неоднозначности понимании этого правового явления.

3. Субъекты аутентического (авторского) толкования

Определение круга субъектов аутентического (авторского) толкования, на первый взгляд, не содержит никаких трудностей. Следует лишь перечислить тех, кого можно именовать авторами того или иного акта.

Однако не все однозначно. Если положить в основу рассуждений тезис: право на создание нормативно-правовых актов предполагает и право на их толкование, то можно предположить, что субъектом аутентического (авторского) толкования может быть любой государственный или негосударственный орган, являющийся субъектом правотворчества. Этот вариант можно назвать расширенным подходом к определению круга субъектов аутентического толкования.

Если же исходить из того, что полномочия по толкованию собственных актов должны быть специально оговорены, установлена процедура толкования и должен быть предусмотрен формализованный результат (акт-документ), то круг субъектов аутентического (авторского) толкования резко сузится и можно говорить об узком подходе к кругу субъектов. Однако в обоих случаях субъектом правотворчества и субъектом толкования выступает один и тот же орган.

Хотя аутентическое (авторское) толкование чаще всего рассматривается в контексте толкования актов нормативно-правового характера, вопрос о субъектах толкования именно законов зачастую порождает ряд проблем. Одна из проблем — это право аутентического (авторского) толкования, признаваемое за теми органами, которые, по сути, авторами норм не являются. Прежде всего речь идет о практике советских постоянно действовавших органов в структуре представительных органов, а также органов с аналогичным статусом в иных социалистических странах.

В советской юриспруденции большое распространение имела точка зрения, согласно которой аутентическим толкованием занимались президиумы высших органов народного представительства. Так, например, А.С. Пиголкин считал, что толкование, которое дают президиумы верховных советов, является аутентическим толкованием [Пиголкин А.С., 1962: 127]. Сторонники этой точки зрения исходили из того, что высшие органы власти социалистических государств не занимаются толкованием законов. Постоянно действующие органы государственной власти способны оперативно устранять неясности и затруднения при применении того или иного закона [Лукашева Е.А., 1973: 485–486].

Советские юристы в подтверждение своих доводов ссылались на п. 5 ст. 121 Конституции СССР (1977), согласно которой Президиум Верховного Совета СССР дает толкование законов СССР. В дополнение следует отметить, что ранее Конституция СССР (1936) тоже давала Президиуму Верховного Совета СССР право давать толкование действующих законов СССР (п. «б» ст. 49). Аналогичные полномочия были предоставлены президиумам верховных советов союзных республик по толкованию законов союзных республик — например, п. «б» ст. 33 Конституции РСФСР (1937), п. 6 ст. 115 Конституции РСФСР (1978).

Президиумы высших представительных органов автономных советских социалистических республик также имели право толковать законы автономных республик. Так, В.В. Лазарев в одной из своих работ в подтверждение данного довода ссылается на ст. 30 Конституции Татарской Автономной Советской Социалистической Республики [Лазарев В.В., 1972: 87]. Ф.Н. Фаткуллин придерживался аналогичной точки зрения, правда, делал своеобразную оговорку: «Аутентическое толкование чаще всего производится тем органом, которым создана данная норма права» [Фаткуллин Ф.Н., 1987: 249]. Сейчас трудно однозначно говорить, какой смысл вкладывал автор в словосочетание «чаще всего». Можно лишь предположить, что Ф.Н. Фаткуллин имел в виду толкование, исходящее от органа, издавшего закон, но допускал толкование и иным органом (Президиумом Верховного Совета).

Во многом сходная ситуация сложилась в правовых исследованиях иных социалистических стран. Б. Спасов писал, что п. 8 ст. 93 Конституции Народной Республики Болгария закрепляет право Государственного совета (*аналог Президиума Верховного Совета* — курсив авторов) давать обязательные для всех толкования законов и нормативных указов. Он отмечал, что «...чтобы понять сущность и смысл, его необходимо интерпретировать во взаимосвязи со всем конституционным текстом, который характеризует Государственный совет как высший постоянно действующий орган государственной власти, как орган Народного собрания. Это и определяет в сущности право Государственного совета давать обязательные для всех толкования законов и нормативных указов, являющихся конкретным выражением его конституционного статуса» [Спасов Б.П., 1986: 140].

Однако по некоторым позициям теоретические разработки Б. Спасова не полностью совпадали с мнением большинства советских юристов. Он писал, что «приведенная классификация вызывает ряд вопросов, связанных с деятельностью Государственного совета по толкованию. Как известно, на него возложена обязанность толковать как законы, так и нормативные указы. Что касается указов, то их толкование в таких случаях всегда аутентичное, поскольку указы могут издаваться только Государственным советом, и, следовательно, выяснение и разъяснение, которые он дает, является толкованием, даваемым автором этого текста. По-другому стоит вопрос в связи толкованием законов. Когда это делает Государственный совет, то вполне очевидно, что он — не автор толкуемого текста. Вывод в данном случае может быть только один — это не аутентичное толкование» [Спасов Б.П., 1986: 148].

Такой подход является более правильным и заслуживает поддержки. Причем это относится не только к болгарской теории и практике толкования. Он полностью применим и к советской действительности. Президиумы верховных советов сами не принимали законы, которые толковали, и

не являлись их авторами. Это была компетенция самих верховных советов. Так, согласно ст. 114 Конституции СССР (1977), «закон СССР считается принятым, если в каждой из палат Верховного Совета СССР за него проголосовало большинство от общего числа депутатов палаты. Постановления и иные акты Верховного Совета СССР принимаются большинством от общего числа депутатов Верховного Совета СССР». Аналогичная практика принятия законов была закреплена и в конституциях союзных и автономных республик.

Следовательно, толкование, исходящее от президиумов верховных советов, нельзя рассматривать как толкование издавшего норму органа, а значит, оно не является авторским (аутентическим) толкованием. Следует отметить, что подобная точка зрения присутствовала и в советской юриспруденции еще в 1970-х годах. Так, В.В. Лазарев считал, что толкование законов президиумами верховных советов — это не аутентическое, а легальное толкование [Лазарев В.В., 1972: 87], а А.Ф. Черданцев относил такой вид толкования к делегированному толкованию [Черданцев А.Ф., 1979: 146]. Такая позиция более обоснована.

Еще одна проблема возникает при определении круга субъектов аутентического (авторского) толкования, если право создания нормы делегировано одним органом другому. Если придерживаться строгого узкого подхода к пониманию авторства, то на аутентическое (авторское) толкование может претендовать лишь тот, кто издал предписание непосредственно. Однако его право производно от права того органа, в чьей компетенции находится издание акта. Можно предположить, что в таком разрезе субъектом аутентического (авторского) толкования будет уже не непосредственный исполнитель, а первоначально управомоченный орган. Правда, возможен и третий вариант — когда в качестве авторов принимаются оба органа и соответственно статус субъектов аутентического (авторского) толкования можно признать и за тем, и за другим.

Во-вторых, не все авторы правовых предписаний могут толковать их. Здесь речь идет не только о запрете, выраженном на правовом уровне. Есть такие субъекты правотворчества, которые по вполне объяснимым причинам не в состоянии прибегнуть к толкованию. Например, если рассматривать правотворческий процесс, включающий референдум, субъектом правотворчества является народ. При этом возможное включение такого субъекта в круг субъектов аутентического (авторского) толкования выглядит весьма сомнительно. С одной стороны, в этом видится противоречие со ст. 3 Конституции Российской Федерации, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Но, с другой стороны, в этой ситуации технически трудно представить возможность аутентического (ав-

торского) толкования, в частности, как может быть организован механизм такого толкования.

Еще менее реальным выглядит аутентическое (авторское) толкование предписаний, оформленных правовым обычаем, если только не признать право авторства за органом, который придал обычаю характер правового.

В-третьих, изучая круг субъектов аутентического (авторского) толкования, необходимо помнить, что норма права может быть воплощена не только в статью нормативного правового акта. Как правило, в нашей правовой науке основной упор делается именно на этот источник права, однако не меньший интерес и значимость, особенно в сравнительно-правовом контексте, имеют проблемы аутентического (авторского) толкования предписаний, содержащихся в нормативных договорах.

В случае необходимости аутентического толкования нормативного договора логично предположить, что субъектами толкования могут быть стороны, подписавшие этот договор.

Серьезные трудности связаны с определением круга субъектов аутентического (авторского) толкования при толковании религиозных текстов, поскольку само толкование может оцениваться и как интерпретационная деятельность, и как правотворческий процесс. Данная проблема, как и вопрос о субъектах аутентического (авторского) толкования правовых доктрин, принципов права и иных источников нуждается в глубоком и всестороннем исследовании, которое намного превосходит рамки данной работы.

Наиболее дискуссионным в контексте исследования круга субъектов аутентического (авторского) толкования является вопрос о судебных органах. Правда, здесь при определении круга субъектов следует прежде всего решить вопрос об объекте толкования, а именно о том, что толкуется: норма права либо любой юридический текст, созданный на основе этой нормы?

Если под объектом толкования понимать только норму права, то в условиях российской действительности все судебные органы должны быть исключены из числа субъектов аутентического (авторского) толкования. Даже интерпретационная деятельность высших судебных инстанций в лице Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации при таком подходе должна быть отнесена к легальному (делегированному) толкованию. Эти суды, хотя и наделены правом официального толкования, не участвуют в процессе создания толкуемых норм.

Если же под объектом толкования понимать любой юридический акт-документ, то круг субъектов аутентического (авторского) толкования значительно расширяется. К ним будет относиться любой орган, создавший данный акт-документ и обладающий правом толковать созданный им акт. Причем, помимо нормативно-правовых, к таким актам будут относиться и правоприменительные, и интерпретационные, и, возможно, иные акты.

Обратимся к практике Конституционного Суда Российской Федерации. Его итоговое решение по делу — сложнейший по форме и содержанию акт, который содержит предписания и нормативного, и индивидуального характера, что позволяет говорить и о правотворческой, и о правоприменительной деятельности этого органа.

Вместе с тем Конституционный Суд активно занимается и интерпретационной деятельностью. Когда он в силу предоставленных ему законом полномочий толкует законы и иные нормативные акты, это относится к делегированному толкованию. Но когда он разъясняет собственные решения, это и есть аутентическое (авторское) толкование. Такой вывод позволяет сделать ст. 83 «Разъяснение решения» Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой решение Конституционного Суда может быть официально разъяснено только самим судом¹.

Аутентическое (авторское) толкование собственных решений возможно и в практике судов общей юрисдикции. Так, в соответствии со ст. 202 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, «в случае неясности решения суда суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания»². Таким образом, суд разъясняет собственное решение, и, поскольку является его автором, следовательно, может рассматриваться и как субъект аутентического (авторского), точнее, аутентического судебного толкования.

Следует еще раз оговориться, что такой подход возможен только при широком понимании объекта толкования.

Проблема аутентического (авторского) толкования имеет еще ряд аспектов, которые важны и с позиций общей теории права, и с позиций юридической практики. Здесь же авторы статьи подвергли анализу лишь некоторые вопросы, касающиеся понятия и субъектов аутентического (авторского) толкования.

Заключение

Подводя итоги сказанному, обозначим следующие моменты:

Вопрос терминологии.

Термин «аутентическое толкование» является наиболее предпочтительным. Термин «аутентичное толкование» более относится к объекту, нежели субъекту толкования. Так как термин «аутентическое» по содержанию иден-

¹ СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

тичен термину «авторское», предлагается использовать как более удобный и точный по содержанию термин «аутентическое (авторское) толкование».

Субъекты аутентического толкования.

Необходимо исходить из того, что аутентическое (авторское) толкование может быть только официальным. Круг субъектов во многом определяется источником права, в котором содержится толкуемая норма, и формой правотворчества. В большинстве случаев такое толкование исходит от того органа, которым создана правовая норма, содержащаяся в нормативно-правовом акте. При других формах правотворчества картина выглядит не так однозначно.

При толковании нормативного договора субъектами аутентического (авторского) толкования могут быть стороны договора.

Если исходить из того, что субъект правотворчества и субъект аутентического толкования всегда совпадают, то в случае референдума аутентическое толкование невозможно.

Ряд сложностей теоретического и практического плана возникает при толковании правового обычая, а также правовой доктрины, религиозных текстов и иных источников права, которых принято называть нетипичными.

Проблема объекта аутентического (авторского) толкования.

Если исходить из того, что объектом данного толкования является только норма права, то круг субъектов аутентического (авторского) толкования ограничивается только субъектами правотворчества.

Если же под объектом аутентического (авторского) толкования понимать любой официальный юридический акт-документ, то круг объектов такого толкования значительно расширяется. В него включаются все органы и должностные лица, уполномоченные на создание такого акта. Второй подход выглядит более приемлемым.

Безусловно, необходимы дальнейшие исследования данной проблематики, так как развивающаяся интерпретационная практика ставит перед юридической наукой все новые и новые вопросы.

Библиография

Василевич Г.А. Толкование (разъяснение) нормативно-правовых актов (теория и практика) // Правоприменение. 2017. Т.1. № 1. С. 19–27.

Васьковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: Цивилистическая методология. Ч. 1. Одесса: Экон типография, 1901. 400 с.

Гуляев А.М. Русское гражданское право: Обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего Сената и проекта гражданского уложения. 3-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 500 с.

Дернбург Г. Пандекты: Общая часть / пер. с нем. Т. 1. М.: Univ. тип., 1906. 481 с.

- Евинтов В.И. Многоязычные договоры в современном международном праве (особенности подготовки и толкования). Дис. ... к.ю.н. Киев, 1979. 199 с.
- Казанский П.Е. Власть всероссийского императора: Очерки действующего русского права. Одесса: Техник, 1913. 1000 с.
- Колоколов Я.Н. Аутентическое официальное толкование норм права: теория, практика, техника. Автореф. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2011. 36 с.
- Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Изд. Н.К. Мартынова, 1886. 364 с.
- Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
- Лукашева Е.А. (отв. ред.) Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. 648 с.
- Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.
- Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА, 2000. 552 с.
- Оппенгейм Л. Международное право: Мир. Т. 1. / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 547 с.
- Перетерский И.С. Толкование международных договоров. М.: Госюриздат, 1959. 172 с.
- Петрушев В.А. Аутентичное толкование права: законодательная регламентация и практика применения // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 2. С. 14–18.
- Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 166 с.
- Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права. М.: Проспект, 2008. 144 с.
- Спасов Б.П. Закон и его толкование / пер. с болг. М.: Юрид. лит., 1986. 248 с.
- Спасов Б.П. Законодательство и тълкуване на законите. София, 1983. 345 с.
- Таганцев Н.С. (ред.) Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: Сборник дополнительных узаконений к французскому и германскому уголовным уложениям. Т. 7. СПб.: Сенат, 1883. 786 с.
- Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
- Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.
- Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.
- Шамсиев Х.Р. Экстерриториальное применение норм валютного контроля: Дис. ... к.ю.н. М., 1998. 176 с.
- Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд-во Башмаковых, 1910. 805 с.
- Berner K. Authentic Interpretation in Public International Law. Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 2016, no 4, S. 845–878.
- Chevallier J. Doctrine juridique et science juridique. Droit et societe, 2002, no 50, pp. 103–119.
- Dworkin R. Law's empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 470 p.
- Svensson R. Konkretisierung von Rechtsnormen. Berlin: Akad. Verl., 1982. 72 S.
- Wroblewski J. Pisma wibrane. Warszawa: Wolters Kluwer, 2015. 480 s.
-

Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2021. No 3

Authentic (Author's) Interpretation: Theoretical-Legal and Constitutional Legal Aspects

Iliia A. Minnikes

Associate Professor, Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research, Baikal State University, Doctor of Juridical Sciences. Address: 11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia. E-mail: iaminnikes@yandex.ru

Irina V. Minnikes

Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University, Doctor of Juridical Sciences. Address: 11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia. E-mail: ivminnikes@mail.ru

Abstract

The aim of the research is to study the legal nature of authentic interpretation, its content and meaning as an independent type of interpretation of law, as well as to establish the set of subjects of such interpretation. The methodological basis of the research is formed by General scientific methods: dialectical, logical, system-structural, comparative, etc.; as well as private scientific methods: historical-legal, formal-legal, comparative-legal. It is noted that the term «authentic interpretation» was given diverse meanings at different stages of the development of Russian legal science. In the 19-early 20th century, authentic interpretation was identified with law-making. In Soviet legal science, an authentic interpretation was considered to come from both the subject of law-making and other authorized bodies. Modern research focuses on the government Agency that interprets the norm. It is proposed to replace the term «authentic» with the term «author's», since this name more accurately characterizes this type of interpretation. The article shows the main approaches to understanding authentic (author's) interpretation in Russian and foreign jurisprudence. It is established that when determining the range of subjects of the author's interpretation, it is necessary to consider the presence or absence of legal formalization of the power to interpret the norm. If we assume that the right to create and formalize norms automatically generates the right to interpret them, then the subject of authentic (author's) interpretation can be any state or non-state body that is the subject of law-making. If we assume that the author's authority to interpret their acts and its implementation should be regulated by the law, the range of subjects of author's (authentic) interpretation will be sharply narrowed. In addition, the research examines the relationship between the range of subjects of authentic (author's) interpretation and the form (source) of law in which the author puts the norm. Several controversial problems are identified: the subject of author's interpretation when creating an act in the order of delegation, and people's law-making, judicial author's interpretation, the author's interpretation of religious texts and normative agreements. The relationship between the subject and the object of authentic (author's) interpretation is demonstrated.

Keywords

Interpretation of law; author's interpretation; authentic interpretation; legal interpretation; delegated interpretation; subjects of interpretation; Constitutional Court of the Russian Federation.

Acknowledgments: The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the NRU HSE academic publications.

For citation: Minnikes I.A., Minnikes I.V. (2021) Authentic (Author's) Interpretation: Theoretical-Legal and Constitutional-Legal Aspects. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp.36–55 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.36.55

References

- Berner K. (2016) Authentic Interpretation in Public International Law. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, no 4, pp. 845–878.
- Cherdantsev A.F. (1979) *Interpreting Soviet law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 168 p. (in Russian)
- Chevallier J. (2002) Doctrine juridique et science juridique. *Droit et société*, no 50, pp. 103–119.
- Dworkin R. (1986) *Law's empire*. Cambridge: Harvard University Press, 470 p.
- Fatkullin F.N. (1987) *Issues of the theory of state and law*. Kazan': University, 336 p. (in Russian)
- Gulyaev A.M. (1912) *Russian civil law*. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich, 500 p. (in Russian)
- Dernburg G. (1906) *Pandekty: Common part. Vol. 1*, Moscow: MSU, 481 p. (in Russian)
- Evintov V.I. (1979) *Multilanguage treaties in the modern international law*. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Kiev, 199 p. (in Russian)
- Kazanskiy P.E. (1913) *Power of Russian emperor*. Odessa: Tekhnik, 1000 p. (in Russian)
- Kolokolov Y.N. (2011) *Authentic formal interpretation of legal acts*. Candidate of Juridical Sciences Summary. Nizhniy Novgorod, 36 p. (in Russian)
- Korkunov N.M. (1886) *Lectures on common theory of law*. Saint Petersburg: Martynov, 364 p. (in Russian)
- Lazarev V.V. (1972) *Applying Soviet law*. Kazan': University, 200 p. (in Russian)
- Nedbaylo P.E. (1960) *Applying Soviet legal norms*. Moscow: Gosyurizdat, 511 p. (in Russian)
- Nersesyants V.S. (2000) *General theory of law*. Moscow: Norma, 552 p. (in Russian)
- Oppengeym L. (1949) *International law*. Moscow: Inostrannaya literatura, 547 p. (in Russian)
- Pereterskiy I.S. (1959) *Interpreting international treaties*. Moscow: Gosyurizdat, 172 p. (in Russian)
- Petrushev V.A. (2006) *Authentic interpretation of law*. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*, no 2, pp. 14–18 (in Russian)
- Pigolkin A.S. (1962) *Interpreting normative acts in the USSR*. Moscow: Gosyurizdat, 166 p. (in Russian)
- Smirnov A.V., Manukyan A.G. (2008) *Interpreting legal norms*. Moscow: Prospekt, 144 p. (in Russian)
- Spasov B.P. (1986) *Law and its interpretation*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 248 p. (in Russian)

- Spasov B.P. (1983) *Zakonodatelstvo i t'lkunave na zakonite*. Sofiya, 345 p.
- Trubeckoy E.N. (1917) *Encyclopedia of law*. Moscow: Mamontov, 227 p. (in Russian)
- Shamsiev H.R. (1998) *Exterritorial application of currency control*. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 176 p. (in Russian)
- Shershenevich G.F. (1910) *General theory of law*. Moscow: Bashmakov, 805 p. (in Russian)
- Svensson R. (1982) *Konkretisierung von Rechtsnormen*. Berlin: Academy, 72 p.
- Vasilevich G.A. (2017) *The interpretation of legal acts*. *Pravoprimerenie*, vol. 1, no 1, pp. 19–27 (in Russian)
- Vas'kovskiy E.V. (1901) *Interpreting and applying civil laws*. Odessa: Ekon tip., 400 p. (in Russian)
- Wroblewski J. (2015) *Selected writings*. Warszawa: Wolters Kluwer, 480 p. (in Polish)